

Matyušová, Zdeňka

Время потерянных крыльев (раздумье о В.С. Соловьеве)

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 1, pp. [85]-93

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/130232>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Зденька МАТЫУШОВА
(Ческе-Будеёвице)

Время потерянных крыльев (раздумье о В. С. Соловьеве)

Time of Lost Wings

The essay is dedicated to the work of an excellent thinker of the 19th century Vladimir Sergejevitch Solovyev (1853–1900). The name of this born philosopher, poet, publicist and critic has been nearly doomed to be forgotten. He was a supporter and follower of the philosophical views of B. Spinoza, G. Leibniz, I. Kant, and F. Schelling. His thoughts as a protector of faith and mysticism have stayed unknown for a long time. As a means of expression of his mystical world view he used poetry. Solovyev's philosophical, religious and poetic contemplations are filled with deep and senseful moral vertones. The central term of Solovyev's philosophy is "cosmic all-unity", in which he sees the ideal goal of the historical process and the organic principle of all existence. In the history of Russian literature V. S. Solovyev will always remain one of the original representatives of the art of philosophy and poetry in Russia.

Key Words: Vladimir Sergejevitch Solovyev; Russian philosopher, poet and writer; ethical overtones; mysticism; cosmic unity

«Мыслей без речи и чувств без названия
Радостно-мощный прибой...
Крылья души над землей поднимаются,
Но не покинут земли».
В. Соловьев

Владимир Сергеевич Соловьев (1883–1900) – один из великих русских мыслителей, создавших собственную философскую систему. Соловьевская система состоит из трех subsystem: этики, теории познания и эстетики. Он вместе с А. С. Хомяковым является основоположником русского оригинального философского течения – так называемой *метафизики всеединства*.

Основой соловьевского всеединства стали представления о единстве человека и вселенной, размышления, которые постепенно укрепили его ощущение мирового всеединства и убедили его в идее синтеза конечного и бесконечного.

[86] Позже в России возникает ряд самостоятельных философских систем (система С. Булгакова, Н. Лосского, В. Розанова, Л. Лопатина, П. Флоренского, Е. Трубецкого, А. Лосева и других), которых объединяет один общий элемент – понятие или, скорее, символ всеединства. Сутью всеединства является идеальный гармонический лад бытия, *«когда оно устроено как совершенное единство множества: в совокупности его элементов каждый тождествен целому, а отсюда – и всякому другому элементу»*.¹ Владимир Соловьев использует термин «положительное всеединство», т. е. состояние и условия, в которых не существует отчуждения живых элементов и преодолено время, пространство, механическая причинность и смерть, которую он считает проявлением разъединения. *«Глубоко понимавший философию Соловьева А. Лосев из всех современников выделяет в первую очередь троих – В. В. Розанова, Л. М. Лопатина и Е. Н. Трубецкого...»*.² Лосев достаточно категорически утвер-

1 Хоружий, С.: *Из истории русской философской мысли*. In: Литературная газета, 22 февраля 1989 г., № 8, с. 5.

2 Аверин, Б.: *Жизненная драма В. С. Соловьева*. In: *Книга о Владимире Соловьеве*. Москва 1991, с. 7.

ждал, что В. Розанов высказал о Соловьеве такие глубокие мысли, «которые едва ли приходили кому-нибудь в голову».³

Владимир Соловьев принадлежит к главному руслу всей русской философско-религиозной традиции, и сразу можно установить, что его философия является одним из непревзойденных достижений русской мысли. Его интересовала исконно классическая тематика русской духовности – о Боге, о смерти, о бессмертии, о судьбах России, о нравственных корнях и конфликтах человеческого существования.

Жизненная судьба Соловьева непроста и нелегка, как нелегки для понимания и восприятия и его мысли, часто наполненные критикой, парадоксами, иронией, пародией и не в последнюю очередь самокритикой. Своей аскетической жизнью Владимир Соловьев предположительно вдохновил Ф. М. Достоевского на создание литературного образа Алеши Карамазова в философско-психологическом романе «*Братья Карамазовы*» (1879–1880). Воздействие Соловьева можно найти также в творчестве русских неоиdealистов и символистов. Отсвет его цикла статей «*Смысл любви*» (1892–1894) можно отыскать в произведении Л. Н. Толстого «*Крейцеров соната*» (1887–1889).

Свое предназначение Соловьев видит в преобразовании христианства и в выявлении его подлинной, гуманной сущности. Если перефразировать его слова, он говорит, что наука не может быть последней целью жизни, так как существует высшая истинная цель жизни – нравственная или религиозная. И для нее и наука служит только одним из средств.

В области философии он увлекался А. Шопенгауэром, но высоко оценивал прежде всего взгляды Б. Спинозы и Ф. Шеллинга. На основе их терминологии – особенно «*Системы трансцендентального идеализма*» Ф. Шеллинга – он позже построил и сформулировал свою собственную систему взглядов и философских мыслей, которые отличаются блестящей историко-философской культурой. В согласии с Шеллингом Владимир Соловьев, например, рассматривает творческий процесс как процесс интуитивный. Интуицию считает основным видом всякого познания. По его мнению, именно истина, которая

3 Лосев, А. Ф.: *Владимир Соловьев*. Москва 1983, с. 47.

воспринята интуитивно, намного предпочтительнее доказанной истины.

На его публичных лекциях с названием «Чтения о богочеловечестве» бывал Л. Н. Толстой, хотя их взаимные отношения были прохладные, так как Соловьев резко критиковал так называемое «толстовство».⁴ Постоянным слушателем был и Ф. М. Достоевский, с которым Соловьев близко подружился и даже вместе ездил в Оптину Пустынь – основанный в конце 18-ого века монастырь, который находится в 320 верстах от Москвы. Идеи В. С. Соловьева, между прочим, сильно повлияли и на чехословацкого президента Т. Г. Масарика.

Основные сочинения Владимира Соловьева по эстетике «Общий смысл искусства» (1890) и «Красота в природе» (1899) представляют философское обоснование афоризма Ф. М. Достоевского из его замечательного романа «Идиот» (1868) – «Красота спасет мир». Соловьев против этого возражает: «Странно кажется возлагать на красоту спасение мира, когда приходится спасать саму красоту от художественных и критических опытов, старающихся заменить идеально-прекрасное реально-безобразным».⁵ И к этому он еще добавляет: «Идеальная красота презирается, как произвольная и пустая прикраса действительности. Значит, требуется, чтобы настоящее искусство было важным делом, значит, признается за истинною красотой способность глубоко и сильно воздействовать на реальный мир... Эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности».⁶

Владимир Соловьев не соглашается с отказом от красоты как нормы критерия художественности: «Как и все человеческое, искусство есть текущее явление, и, быть может, в наших руках только отрывочные начатки истинного искусства. Пускай сама красота неизменна; но объем и сила ее осуществления в виде прекрасной действительности имеют

4 Соловьев, В. С.: *Письмо к Толстому – 12 августа 1894 г.* Из: *Воскресные письма (1894–1898)*.

5 Соловьев, В. С.: *Сочинения*. Москва 1994, с. 198.

6 *Ibidem*, с. 198.

множество степеней... Эстетика природы даст нам необходимые основания для философии искусства».⁷

Другими словами, красота по Соловьёву – это объективная реальная сила, результат преобразования материи через воплощение в ней абсолютной всеединой идеи. Он определяет ее терминами «воплощенная идея» и «святая телесность», причем она не средство, а цель возникающего мирового порядка. А человек должен спасти «тленную» земную красоту от разрушения и ввести ее в вечность как красоту абсолютную. Это и основной критерий оригинальной мистической космогонии Владимира Соловьёва. «Наконец, человек уже не только участвует в действии космических начал, но способен знать цель этого действия и, следовательно, трудиться над ее достижением осмысленно и свободно. Как человеческое самосознание относится к самочувствию животных, так красота в искусстве относится к природной красоте».⁸

Итак, Соловьёв служит совершенной красоте и через нее – добру и истине. Кстати, эти его взгляды отразились в рецензии на переиздание диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), которую он характеризовал как «первый шаг к положительной эстетике», и в статьях о поэтическом творчестве А. А. Фета, Ф. И. Тютчева,⁹ А. С. Пушкина – «Судьба Пушкина» (1897) и «О значении поэзии в стихотворениях Пушкина» (1899). Их лирику он считал откровением человеческой души в ее созвучии с живой душой природы.

К этим по времени последним произведениям Владимира Соловьёва принадлежит и «Оправдание добра» (1894–1897). По словам К. Арсеньева, содержание этого произведения сводится к следующему: «Наша жизнь получает нравственный смысл и достоинство, когда между ней и совершенным добром устанавливается совершенствующаяся связь. Совершенное добро должно содержать в себе норму нашего нравственного отношения ко всему; все, что существует, исчерпывается в нравственном отношении тремя категориями, т. е. то, что выше нас, что нам равно

7 Ibidem, с. 199–200.

8 Ibidem, с. 236.

9 In: Соловьёв, В. С.: Литературная критика. Москва 1990, с. 105–121.

*и что ниже нас. Выше нас безусловное Добро, или Бог; равно с нами все то, что способно к самостоятельному нравственному совершенствованию, ниже нас материальная природа. Совершенное добро окончательно определяется как нераздельная организация триединой любви: любви, восходящей по отношению к Богу, уравнивающей по отношению к людям, нисходящей по отношению к материальной природе».*¹⁰

В статье «О лирической поэзии» Владимир Соловьев замечает, что «не одна только трагедия служит к очищению души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении происходит чистая лирика».¹¹

В своей лирике он сам выразил стремление к тому, чтобы выйти, убежать, вырваться из вещественного и временного мира. «В стихотворениях Соловьева почти всегда реализуются одновременно две тенденции: стремление к максимальной поляризации словнопонятий и стремление подчеркнуть единство этих начал, их неизбежный грядущий синтез».¹²

Лирические стихотворения поэта, которые составляют весьма заметную часть его поэтического наследия, тесно связаны с философской лирикой. В связи с ней важно особенно то, что окончательный идеал человеческого счастья осмысливается Соловьевым в течение всей его жизни. Он видит этот идеал в объединении наилучших сторон материального бытия и возвышенности духа. Его мистически-субъективная поэзия воплощает идеальные представления поэта о неземном счастье, любви, высшем блаженстве и конечной гармонии. Стихи Владимира Соловьева представляют собой как бы вариации на близкие темы, но, разумеется, что вариации – это не простое повторение. У Соловьева это всегда что-то новое и неожиданное на фоне известного и знакомого. Своей философией он дал стихам эстетически привлекательные образы-символы и идеи о вселенной и космосе.

10 Арсеньев, К.: In: http://dic.academic.ru/dic-nsf/enc_biography/.

11 Соловьев, В. С.: *О лирической поэзии*. In: *Собрание сочинений в 10 томах*. Том VI, Санкт-Петербург, 1911, с. 219.

12 Минц, З.: *Владимир Соловьев – поэт*. In: Соловьев, В. С.: *Стихотворения и шуточные пьесы*. Ленинград 1974, с. 28.

«... Душу обняли нежно-тоскливые сны,
Замерла бесконечная даль,
И роскошно-блестящей и шумной весны
Примиренному сердцу не жаль».¹³
(Осеннею дорогой, 1886)

«... Только имя назовешь,
Молча, к сердцу прижму я тебя.
Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови:
Все, кружась, исчезает во мгле.
Неподвижно лишь солнце любви!»¹⁴
(Бедный друг..., 1887)

«Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени
От незримого очами?»¹⁵
(Милый друг..., 1892)

Отрывки из этих трех стихотворений написаны словами, за которыми легко увидеть живую и конкретную человеческую судьбу. Эти строчки в контексте всей поэзии Владимира Соловьева являются подлинной исповедью. Мир взволнованных чувств и глубоких переживаний был не только миром его поэтических высказываний, но и его собственным, внутренним, живым миром. Для Соловьева как защитника мистики и религии поэзия была не только особой формой отражения жизни, но прежде всего средством выражения его мистического мировоззрения. Можно констатировать, что его знаменитое стихотворение «Милый друг, иль ты не видишь...» (1892) является программным провозглашением и манифестом русских символистов, которые считали

13 Ип: *Русские поэты XIX века*. Москва 1958, с. 811.

14 *Ibidem*, с. 812.

15 *Ibidem*, с. 812.

Соловьева своим духовным учителем и вообще основоположником русского символизма, хотя он их резко критиковал.¹⁶ Эти стихи, в которых чувствуется и крайняя степень напряжения, и глубоко прочувствованная мысль, несомненно, представляют своеобразное поэтическое завещание.

Владимир Соловьев духовно и поэтически задумывается и решает вечные вопросы жизни и смерти. Индивидуальное, личное, временное как бы исчезает в порыве человеческой души к общему, всемирному, космическому. «Человеческая личность бесконечна: это есть аксиома нравственной философии».¹⁷ Человек для Соловьева – существо лично-общественное. «... трем основным моментам лично-общественной жизни – религиозному, политическому и пророческому – соответствуют в целом ходе исторического развития три последовательно выступающие, главные конкретные ступени человеческого сознания и жизненного строя».¹⁸

И. В. Иванов об этом пишет и анализирует: «Соловьев различает три основные формы организации человеческого общества: 1) родовая форма; 2) национально-государственный строй; 3) всемирное общение жизни. Именно последнюю из этих форм он рассматривает как идеал будущего, осуществление которого связывается с установлением действительного нравственного порядка, преобразования природного человечества в духовное человечество, или богочеловечество».¹⁹

Владимир Соловьев подчеркивал, что каждый человек «как личность обладает возможностью совершенства, или положительной бесконечности, именно способностью все понимать своим разумом и все обнимать сердцем, или входит в живое единство со всем».²⁰ «Эта способность позволяет человеку осуществить идею всеединства, т. е. преобразовать и воссоединить в действительном порядке все элементы бытия».²¹

16 См.: Соловьев, В. С.: *Русские символисты* (сборник). Москва 1894–1895.

17 Соловьев, В. С.: *Оправдание добра*. Москва 2010, с. 305.

18 *Ibidem*, с. 307.

19 Иванов, И. В.: In: http://dic.academic.ru/dic-nsf/enc_biography/.

20 Соловьев, В. С.: *Оправдание добра*. Москва 2010, с. 307.

21 Иванов, И. В.: In: http://dic.academic.ru/dic-nsf/enc_biography/.

«Если в двух словах попытаться передать суть учения Соловьева, то таковыми будут – любовь и соборность... Соловьев создал всеобъемлющую философию любви как высшей духовной потенции человека... Любовь, говорит Соловьев, – преодоление эгоизма; смысл ее – создание нового человека, его рождение и преображение».²²

Владимир Соловьев был по своей сути философом и провидцем. На основе этого он был способен и сумел открыть и познать тайны жизни, природы, мира и космоса. Через разоблачение этих тайн он стремился преодолевать жизненные разочарования и трагизм повседневного земного человеческого существования.

Библиография:

- АВЕРИНА, В. – БАЗАНОВА, Д.: *Книга о Соловьеве*. Москва 1991.
Из истории отечественной мысли: сборник научных трудов. Пермь 2005.
КАЈТЕЗ, Н.: *Детоп Solovjova*. Novi Sad 2001.
КРАСИЦКИЙ, Я.: *Бог, человек и зло*. Москва 2009.
О Соловьеве. Томск 1997.
СЕРБИЕНКО, В. В.: *Соловьев*. Москва 2000.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Неподвижно лишь солнце любви*. Москва 1990.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Оправдание добра*. Москва 2010.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *О христианском единстве*. Москва 1994.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Смысл любви: избранные произведения*. Москва 1991.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Сочинения*. Москва 1994.
СОЛОВЬЕВ, В. С.: *Чтение о богочеловечестве. Статьи. Стихотворения и поэма*. Из «Трех разговоров». Санкт-Петербург 1994.

[93]

22 Гулыга, А. В.: *Русский философский ренессанс и творческая судьба Владимира Соловьева*. In: Соловьев, В. С.: *Сочинения*. Москва 1994, с. 12.

